

Все выразить...»;

следовательно, вторая причина непередаваемости того, что я хочу передать, заключается в том, что язык никак не поспевает за разумом.

IV.

После того как показаны обе причины, делающие эту тему неразрешимой, надлежит обсудить ту часть текста, где говорится о моей неспособности дать этой теме совершенное раскрытие. Я не могу сделать этого по двум причинам: из-за скудости разума и из-за несовершенства нашей речи. По скудости разума мне приходится пропускать многое из того, что действительно свойственно этой даме и что как бы сияет в моем уме, который, подобно прозрачному телу, приемлет сияние, но не отражает его; и это я говорю в следующем подразделе:

«И то, что разум видит как сквозь сон,
Оставляю...»

Говоря далее: «Не выразить ясней...», я признаюсь в своей несостоятельности не только перед тем, чего разум мой не вмещает; даже там, где я все понимаю, я несостоятелен, так как язык мой не настолько красноречив, чтобы суметь выразить то, о чем я думаю; отсюда можно заключить, что из того, что касается истины, язык мало что сумеет выразить. Если приглядеться, это признание и есть для моей госпожи великая хвала, которая с самого начала является моей целью; и можно по праву сказать, что это похвальное слово вышло из мастерской ритора и что каждая его часть содействует раскрытию, способствует осуществлению основного замысла. Далее, говоря: «И если есть порок в моих стихах...», я прошу прощения за вину, в которой нельзя меня винить, поскольку другие мои слова бессильны передать достоинства этой госпожи; и я предупреждаю, что если окажется какой-либо недостаток в стихах моих, то есть в моих словах о ней, то в этом следует обвинять слабость моего разума и несовершенство нашей речи, которую мысль опережает настолько, что речь не способна полностью за ней поспевать, особенно тогда, когда мысль рождена любовью, ибо в этих случаях душа охвачена вдохновением в самых сокровенных своих глубинах.

Иной мог бы сказать: «Ты себя одновременно и оправдываешь и [обвиняешь]». Действительно, такое оправдание есть доказательство вины, а отнюдь не очищения от нее, ибо вина возлагается на разум и на слова, тем более что слова эти принадлежат мне, и если они хороши, то я заслуживаю похвалы, точно так же как я заслуживаю порицания в том случае, если они плохи. На что можно коротко ответить, что в действительности я себя не обвиняю, а извиняю. Не следует забывать, что, согласно положению Философа в третьей книге «Этики», человек достоин похвалы и осуждения только за те поступки, совершать или не совершать которые зависит от него, тогда как за поступки от него не зависящие он не заслуживает ни осуждения, ни похвалы, ибо и то и другое в этом случае следует оставить еще для кого-нибудь, поскольку поступки есть часть самого человека. Посему мы не должны осуждать человека за то, что тело его от рождения безобразно, ибо сделать себя красивым было не в его власти; но осуждать должны мы дурное предрасположение материи, из которой он сделан, так как это дурное предрасположение и было причиной допущенного природой изъяна. Точно так же, если человек от рождения красив, мы должны хвалить за это не его, ибо не он был ее создателем, а человеческую природу, производящую такую красоту из своей материи, когда таковая это позволяет. И потому хорошо сказал священник императору, насмевавшемуся и глумившемуся над его уродством: «Господь – владыка: Он нас создал, а не мы себя»; это – слова пророка в одном из стихов Псалтыри, звучащие точно так же, как в ответе священника. Так что пусть убогие от рождения, заботящиеся об украшении собственной особы, а не о благородстве своих поступков, которые должны быть во всем благопристойными, – пусть они убедятся в том, что занимаются украшением чужого творения, пренебрегая собственными делами, только и всего.

Но вернемся к предмету разговора. Я отмечаю, что в силу несовершенства той способности, которая дает ему возможность воспринимать увиденное и которая есть способность органи-